

по воли божии милование кто сотворит, и та милость злее есть всякого душегубства пред богом. Да к тому послушество приводит, коли Саул царь изымав Агага царя пощадил и Самуил пророк пред Саулом того Агага ножом заколол, и за то Агагово пощадения господь бог того Саула от царства изринул. А егда Ахав царь ассирийского царя поймав отпустил, и в то время пророк божий пришед к человеку веле себя бити и человек гот побоялся бити пророка, и не бий, а за то того человека лев съел по слову пророчю; и пророк иному человеку велел себя бити, и той человек бил его и розби ему лице, и тому человеку спасение даровася. Не бивый, государь, пророка погнibe, а бивый пророка спасеся (лл. 205 об.—206).

аще и изрядно бити мнимое всех есть злейши и законопреступнейши. Аще убьет хто по воли божией, человеколюбия всякаго есть лучшийи убийство оно. Аще и пощадит хто, человеколюбствуя чрес угодное оному убийства всякого непреодобнейши будет то пощадение: не естество бо вешем, но божии судове добра и зла сия быти творят». Да навькнеши, яко се истинно есть, послушай реченных: Пощадил некогда чрес божественную волю Агага, царя амаликова, Саул царь израилев, и за се пощадение приат от бога, осужение, и не точно сам, но и все семья его. Тако же царя ассирийска Адера ем Ахав, паче угоднаго богови снабде, и со многою отпусти его честию, и пророка некоего посла бог ко Ахаву глаголя: «Тако глаголеть господь: яко отпустил еси ты мужа губителя от руки твоея, душа твоя вместо душа его, и людие твои вместо людей его». Подобно же сему пророк некий пришед ко искренему своему: «Словом господним бий мя», и не восхоте человек он бити его, и рече к нему: «Занеже не послуша гласа господня, се ты отидеши от мене, и поразит тя лев», и отиде от него и обрет его лев, и порази его. И обретает человека иного и рече: «Бий мя», и бий его человек той, и сокруши лице его. Что убо будет сего преславнейши, — бивый пророка спасеся, а пощадевый мучен бываше? ⁵⁴

Для тех, кто помещал источник нравственного в потусторонний мир, логично было настаивать на «суде божьем» и объявлять вредной канителью и «милостью, злейшей всякого душегубства» взыскательное изучение каждого судебного казуса, принимая во внимание сопровождавшие его обстоятельства, учитывая в наказании и его нравственное значение. На последнее указывал еще Максим Грек, правомерно обращаясь к авторитету Менандра: «к подручником кротость растворена со устрашением государским на исправление их, а не на погубление». ⁵⁵ Здесь наказание уже не выступает как месть.

Мы ссылались выше на неизвестного писца конца XV в., толковавшего суд «по правде» как суд, руководствовавшийся «и разумом, и душою». Но и в адрес Шишкина мы читаем у Зиновия Отенского: «А еще, государь, судия не души поставлен судити, но дел их судити поставлен» (л. 202 об.).

В этих словах Зиновия мы видим указание на самую суть правовых воззрений Шишкина, не отделявшего человеческих проступков от личности преступившего, а, наоборот, принимавшего во внимание при рассуждении тех или иных дел совокупность индивидуальных обстоятельств и особенностей.

Взгляды Шишкина были прогрессивными, но не являлись исключением по отношению к общественно-правовым идеям публицистов его времени. Во-первых, круг применения Шишкиным своих взглядов следует, по-видимому, ограничить областью гражданских дел. Что же касается уголовных дел, «лихих дел», непосредственно угрожавших феодально-государственным

⁵⁴ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси в XIV—начале XVI в., Приложение, стр. 493. — Если даже близость сопоставляемых текстов объясняется общностью источника, к которому обратились Иосиф Волоцкий и Зиновий Отенский, это ничего не убавляет в единомыслии и единодушии двух воинствующих церковных публицистов.

⁵⁵ Максим Грек, Сочинения, ч. II, стр. 184.